

«На зависть Европы я смотрю спокойно...»

К 250-летию начала царствования Екатерины Великой

Сергей Рыбаков

В части историографии стало привычным замалчивать достижения и успехи Екатерины II, делая упор на существовавший при ней фаворитизм, на некоторые недостатки и личные слабости императрицы. Такой взгляд на неё и её правление ведёт к искусственному урезанию масштаба исторической эпохи, называемой екатерининской.

Не отрицая того, что Екатерина II была не лишена слабостей, нужно видеть, что они с лихвой перекрывались её сильными качествами: талантом стратега, неординарным и гибким мышлением, редкой целеустремлённостью, широким кругозором. Эти качества императрицы сослужили России отличную службу.

**«Вся жизнь моя посвящена поддержанию
блеска России»**

В 1791 г. канцлер Александр Андреевич Безбородко составил перечень достижений, которыми было отмечено царствование Екатерины II.

В этом перечне значилось 29 устроенных по новому образцу губерний, 144 вновь построенных города, 78 одержанных военных побед, 123 указа, направленных на улучшение

РЫБАКОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). *E-mail: istoric-ek@mail.ru*

Ключевые слова: Екатерина II, Румянцев, Потёмкин, Суворов, русско-турецкие войны, Крым, Черноморский флот, Русско-шведская война, разделы Польши.

социально-экономических и культурно-бытовых условий жизни российского населения.

Помимо этого, к России были присоединены земли с населением 7 млн чел., а общая численность населения империи увеличилась с 19 млн чел. в 1762 г. до 36 млн в 1796 г. Армия количественно возросла со 162 тыс. чел. до 312 тыс.

Флот был усилен с 20 линейных кораблей и 6 фрегатов до 67 линкоров и 40 фрегатов.

Сумма государственных доходов поднялась с 16 млн руб. до 69 млн.

Число промышленных предприятий увеличилось с 500 до 2 тыс.

Оборот морской торговли увеличился более чем в 5 раз¹.

В достижении столь впечатляющих результатов не последнюю роль сыграл русский патриотизм Екатерины II, в девичестве принцессы Софьи-Августы-Фредерики Ангальт-Цербстской, которую в 1744 г. императрица Елизавета Петровна пригласила в Россию, чтобы выдать замуж за своего племянника и наследника престола Петра Фёдоровича, урождённого Карла-Петера-Ульриха Гольштейн-Готторпского. Россия с её пространствами поразила воображение юной девушки. Это был контраст с тогдашними мелкими захолустными немецкими княжествами.

Восприняв Россию как новую родину, Софья-Августа-Фредерика захотела стать для неё своей. Она с большим старанием принялась изучать русский язык, погрузилась в русскую историю, приняла местные традиции и православие, а с ним и русское имя. Её уважительное отношение к русской культуре становилось ещё более заметным на фоне поведения Петра III, открыто пренебрегавшего русскими православными обычаями и российскими государственными интересами.

Впоследствии, став императрицей, Екатерина говорила, что с первых дней её русской жизни «обиды, сделанные Российской Империи, будили в ней рвение к защите достоинства» страны. Она объясняла: «Вся жизнь моя посвящена поддержанию блеска России, потому не удивительно, что обиды и оскорбления, ей наносимые, я не могу терпеть молча и скрывать их ради минутной осторожности»².

Одним из основных условий успеха внешней политики стало редкое умение Екатерины II подбирать нужные кадры. Выстраивая государственный аппарат, императрица выделяла из русских дворян-патриотов наиболее энергичных и талантливых, определяя их место в служебной иерархии. Российское дворянство возникло и сформировалось как служилое сословие; вся психология дворян была неразрывно связана с государственной службой, их благосостояние напрямую зависело от служебного рвения. Екатерина, как могла, поощряла это рвение во время войн, которые Россия вела во время её правления.

«Я старалась быть справедливой и награждала великодушно всюду, где могла открыть тень сделанной заслуги. Я надеюсь, что это возбуждало поощрение хорошо служить. Жаль, что нельзя каждому вдохнуть умение и талант, но мне приятно видеть, что между молодыми генералами находятся такие, которые лучше, чем те, каких мне удалось видеть в 1762 году, по окончании Семилетней войны»².

Правление Екатерины II – это время расцвета дворянской империи, пиковая фаза в эволюции дворянского самосознания. К этому времени дворянство имело уже множество привилегий, но ещё не успело остыть к службе, почувствовать себя по-настоящему вольными после Манифеста о вольности дворянской, подпи-

санного Петром III. Показательно, что этот Манифест не помог Петру III удержаться на троне: дворянская гвардия свергла императора с престола.

Гвардейцы были крайне раздосадованы капитулянтской политикой Петра III в войне с Пруссией и нелепым для России финалом этой войны: русская армия в пух и прах разбила пруссаков, заняла Кенигсберг вместе со всей Восточной Пруссией, жители которой добровольно приняли российское подданство, принесли присягу императрице Елизавете Петровне. Карл-Петер-Ульрих не только вернул Кенигсберг прусскому королю Фридриху II, своему кумиру, но ещё и выплатил ему немалую денежную компенсацию за «моральный ущерб». Пять лет боёв, потребовавших от русских пота и крови, пошли насмарку. Этого гвардейцы голштинцу простить не могли. Им и в голову не пришло, что у них может быть какой-то выбор между службой и вольностью, поскольку патриотизм и чувство долга у дворян ещё оставались доминирующими качествами.

В следующем, XIX в. картина постепенно изменилась: дворянская вольность вошла в свои полные права и превратила дворян-патриотов в праздных сибаритов или в вольнодумцев, находящихся в оппозиции государству, но судьба благоволила Екатерине, не дав ей дожить до этих времён.

В 1762 г. судьба также была благосклонна к жене недалёкого «добро-го немца» Петра III, с беспечной ветреностью относившегося к российским государственным интересам. Он настроил против себя не только служилое дворянство. Его раболепие

перед пруссаками, скандальные выпады против Русской Православной церкви, публичные высказывания, выдававшие его невежество, настроили против него все слои общества.

И в Петербурге, и в провинции люди спрашивали друг друга: зачем России нужен правитель, который понятия не имеет, как ею управлять, да к тому же открыто её презирает? Не будет преувеличением сказать, что Екатерину вознесла на престол волна тогдашних общественных настроений.

Новая императрица позаботилась о том, чтобы смену власти в народе трактовали не как заурядный дворцовый переворот, а как насущную общественную необходимость.

В манифесте «О вступлении на престол Императрицы Екатерины II» указывалось, что её права на императорскую корону основаны на «явном и нелицемерном желании всех Наших верноподданных», поддержавших стремление Екатерины пресечь попытку Петра III изменить государственную религию: «Всем прямым сынам Отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому Государству начиналась самым делом, а именно: закон Наш Православный Греческий первее всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что Церковь Наша крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменю древнего в России Православия и принятием иноверного закона»³.

Нет сомнений в том, что Екатерина пользовалась авторитетом в тогдашнем российском обществе, хотя бы потому, что смотрелась куда достойнее своего мужа. Однако быть совершенно уверенной в прочности своего положения она не могла.

Если смотреть с чисто юридической точки зрения, то, как заметил В.О.Ключевский,

«Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала её сыну, естественному наследнику отца»⁴.

Екатерина не слишком обольщалась поддержкой общества, понимая, что является её заложницей и что, хотела бы она того или нет, ей придётся «отрабатывать» кредит доверия со стороны тех, кто привёл её на престол. Своим статусом императрица всероссийская была обязана гвардии, выражавшей интересы всего дворянства, а потому оказалась зависимой и от гвардии, и от дворянства. Сами обстоятельства прихода к власти вынуждали Екатерину выполнять социальный заказ дворянства, обусловив тем самым и основной вектор внутренней политики, проводимой в пользу дворян.

Продворянский курс екатерининского правительства вёл к определённым диспропорциям в социальной структуре: росли привилегии дворян, ухудшалось правовое положение крепостного крестьянства. Одни льготы дворян постоянно дополнялись другими, и это вело к выработке недовольства среди недворянских сословий. Ситуация существенно переменялась после вспыхнувшего в 1773 г. пугачёвского бунта, напугавшего дворян. Подавив в 1775 г. восстание Пугачёва, Екатерина II теперь старалась не допускать перекосов в социальной политике, объясняя дворянам, что умеренность в запросах будет служить их же пользе. По указам императрицы расширялись права и вольности городского населения, и особенно купеческого сословия, а также государственных крестьян. Социальная ситуация в стране была стабилизирована, и во второй половине своего царствования

Екатерина с какими-то серьёзными внутренними проблемами не сталкивалась.

После восшествия на престол Екатерина II составила запись основных целей своего правления, где среди прочего значилось выдвинутое ею кредо: «Нужно просвещать нацию, которой должно управлять»⁵. Делам просвещения и распространения грамотности она уделяла значительное внимание.

Вместе с энтузиастом просветительства Иваном Ивановичем Бецким она спроектировала систему воспитательно-образовательных учреждений, отразив её в документе под названием «Генеральное учреждение о воспитании обоёго пола юношества».

Воплощение задуманного на практике вылилось в открытие сети городских школ, где был внедрён классно-урочный принцип, воспитательных домов для сирот в Москве и Петербурге, двух педагогических училищ, воспитательного училища при Академии художеств, Смольного института благородных девиц.

Была создана сеть коммерческих училищ и кадетских корпусов.

Инструкции по содержанию воспитательных заведений были пронизаны духом гуманности, в них говорилось: «Бить детей, грозить им и бранить, хотя и причины к тому бывают, есть существенное зло». Рекомендовалось развивать природные дарования детей, «дабы произвести превосходных по разуму людей»⁵.

Повышению образовательного уровня российского населения служили многие инициативы императрицы: всяческое поощрение деятельности Академии наук, создание Вольного экономического общества, занимавшегося пропагандой передо-

вых методов ведения хозяйства и технических новшеств, введение прививочной медицины (Екатерина первой в России привила себе вакцину от оспы), появление сети больниц, открытие Эрмитажа и Публичной

библиотеки в Петербурге, издание полного собрания русских летописей и многое другое.

Всё это означало динамичное продвижение российской культуры на новый, более качественный уровень.

«Мы ни за кем хвостом не тащимся»

Став российской самодержицей и фиксируя в записи цели своего правления, Екатерина II, помимо прочего, указала: «Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям»⁵. Екатерина была уверена, что русские дипломаты должны в первую очередь отстаивать честь и достоинство России, и напоминала им: «Мы ни за кем хвостом не тащимся»⁶.

Установку, нацеленную на «внушение уважения соседям», она постаралась сделать ведущим принципом российского внешнеполитического курса. Об этом принципе Екатерина не забывала и при выстраивании своего поведения. Она показывала и доказывала и русским, и иностранцам, что для неё не существует никаких иных национальных интересов, кроме российских.

За 52 года пребывания в России Екатерина ни разу не пересекла её границ, переписку с немецкими императорами, королями, курфюрстами вела по-французски, ни разу не пригласила к себе никого из своих ангальт-цербстских родственников, на высокие государственные должности принимала только русских, предписывала российским дипломатам отправлять депеши в Петербург только по-русски.

Когда цесаревичу Павлу пришло время жениться, императрица соста-

вила наказ для невесты великого князя прибывшей из Гёссена принцессы Вильгельмины. В наказе говорилось, что юная особа должна «читать нацию, к которой будет принадлежать», говорить по-русски, быть преданной России, считаться с её обычаями, не говорить о ней ничего плохого⁷.

В середине XVIII в. в комплексе задач, стоявших перед российской дипломатией, выделялись две наиболее важные и сложные:

- приобретение выхода к Чёрному морю;
- воссоединение древнерусских территорий в составе единого государства.

В реальной практике подходы к решению этих двух задач сплетались в один запутанный клубок, к которому примешивалось множество других задач. Европа в то время выглядела конгломератом противоречий, сложные узлы европейской дипломатии ещё никогда не были затянуты столь туго. Императрице Екатерине II и её сподвижникам предстояло не только грамотно разобраться в хитросплетении этого узла, но и умело распутать его.

В начале царствования Екатерины II Россия испытала на себе открытую враждебность со стороны Франции. Главной причиной этого являлся конфликт стратегических интересов России и Франции в Европе,

усугублявшийся русофобией короля Франции Людовика XV. Людовик XV ориентировал французскую дипломатию на антироссийские интриги в Швеции, Речи Посполитой и Турции, создав из этих стран так называемый «Восточный барьер» и стремясь спровоцировать их войну против России.

Своё отношение к России король выразил в секретной инструкции французскому посланнику при дворе Екатерины II барону де Бретейлю: «Вы, конечно, знаете, – писал Людовик 10 сентября 1762 г., – и я повторяю это предельно ясно, что единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить её как можно дальше от европейских дел... Всё, что может погрузить её в хаос и прежнюю тьму, мне выгодно, ибо я не заинтересован в развитии отношений с Россией».

Людовик XV, как и другие государи Европы, получил от Екатерины II экземпляр «Наказа» и тут же приказал его сжечь. Узнав об этом, Екатерина сказала: «Великая честь оказана мне»⁸.

Стремясь нейтрализовать враждебность Франции, екатерининское правительство стало искать союзников среди европейских государств, побуждая их правительства к отказу от поддержки внешнеполитической линии Франции.

Канцлер Никита Иванович Панин предложил Екатерине II дипломатический проект, в пику «Восточному барьеру» названный «Северным аккордом». Этот проект предусматривал создание союза государств, находившихся на севере Европы – России, Дании, Речи Посполитой и Швеции. Основная цель была очевидна: вывести из-под французского влияния Швецию, и особенно Речь Посполитую, которая в «Восточном

барьере» выполняла функцию соединяющего звена.

Именно Речь Посполитая в то время явилась своеобразным перекрестком противоречивых политических интересов разных стран – Франции, Австрии, Пруссии, России, Османской Турции. Предельно ослабленная внутренними неурядицами, вызванными своеволием шляхты, Речь Посполитая потеряла политическую дееспособность, не мешая более сильным и напористым соседям раз за разом вмешиваться в свои дела. Особенно это усилилось накануне и в момент выборов нового польского короля. Для того чтобы воспрепятствовать коронованию кандидатов, поддерживаемых Францией, Австрией и Турцией, Россия вынуждена была блокироваться с Пруссией. При этом интересы России и Пруссии в Речи Посполитой сильно расходилась: Фридрих II страстно желал территориального раздела Речи Посполитой, в то время как Екатерина II стремилась сохранить целостность Речи Посполитой, предполагая сделать из неё союзницу России. Российская дипломатия вовсе не хотела усиления Пруссии, так же как и Австрии, за счёт польских территорий.

В 1764 г. польским королём был избран ставленник России и Пруссии Станислав Понятовский. Он принял некоторые политические решения в пользу своих покровителей. В частности, в нужном России и Пруссии русле был решён диссидентский вопрос: теперь лютеранам и православным, ещё недавно ущемлённым в правах, разрешалось занимать административные должности наравне с католиками. Недовольная этим решением часть польской оппози-

ционной шляхты организовала антикоролевскую конференцию и начала боевые действия против русских войск.

Франция, внимательно следившая за действиями екатерининской дипломатии в Польше, не могла смириться с пребыванием там русских войск и стала подталкивать Оттоманскую Порту к конфликту с Россией. Султан и его визири потребовали от Екатерины вывести свои войска из Речи Посполитой и отказаться от защиты прав диссидентов. Русские дипломаты дали понять султану, что его желания расходятся с действительностью. В 1768 г. началась русско-турецкая война.

Уже в самом начале этой войны русские войска нанесли туркам несколько чувствительных поражений, а генерал-фельдмаршал Пётр Александрович Румянцев поразил Европу блеском полководческого искусства, разбив турок при Ларге и Кагуле. Особенно потрясла современников битва при Кагуле: русские войска численностью 32 тыс. чел. одержали сокрушительную победу над турец-

кой армией, насчитывавшей 150 тыс. чел.

Выдающегося успеха на море добился адмирал Григорий Андреевич Спиридов, разгромивший турецкий флот в бухте Чесма. Русская эскадра, выйдя из Балтики и обогнув Европу, внезапно появилась в Средиземном море и стремительно подошла к Чесме, где стояли на рейде турецкие корабли. Почти все они были сожжены.

Несмотря на заметное численное превосходство над русскими, турки за первые три года войны не одержали ни одной победы, оставив крепости Хотин, Яссы, Бухарест, Измаил. Оказалось, что в Стамбуле, начиная войну, не поняли новых реалий, уповая на былое могущество Османской империи. Во второй половине XVIII в. от того могущества мало что осталось. В экономическом и военном отношении Россия была уже значительно сильнее Турции. Становилось очевидным, что Порта проиграет войну. Екатерина II поставила перед российской дипломатией задачу добиться от турок выгодного мира для России.

«Пусть балагурят, а мы дело делаем»

Успехи русской армии и флота напугали европейских политиков. Начались закулисные дипломатические манёвры, направленные на сдерживание России. За спиной турок по-прежнему маячила Франция, которая помогла им восстановить утерянный в Чесме флот, поэтому султанское правительство отказывалось пойти на мирные переговоры с русскими, надеясь переломить ход войны в свою пользу.

Настороженно к русским победам отнеслись и в Лондоне, но он не хотел полностью рвать отношений с Россией, а потому ограничился только отзывом английских офицеров из русского флота. Открыто поддержала Порту Австрия, заключив с ней союзный договор и пообещав добиться возвращения туркам всех территорий, занятых русскими войсками. Двусмысленной была и позиция Пруссии, которая, формально счита-

ясь союзником России, занималась антироссийскими интригами. Но в Петербурге хорошо знали о тайной дипломатии «союзников».

Екатерина не могла не считаться с двусмысленным поведением Фридриха II. Чтобы нейтрализовать его действия на турецком дипломатическом фронте, приходилось идти на уступки ему в польских делах, тем более что Пруссия вместе с Австрией уже начали раздел Польши, оккупировав часть её территории (1770 г.). Кроме того, Австрийскую империю также требовалось нейтрализовать, оторвав её от союза с Оттоманской Портой. Сделать это можно было только одним способом: дать согласие на раздел Польши. Конвенция между тремя странами была подписана в 1772 г. Австрия захватила Галицию, к Пруссии отошло Поморье и часть великопольских земель. Россия присоединила Восточную Белоруссию, что местным населением воспринималось не как захват, а как восстановление исторической справедливости.

Лишившись поддержки со стороны австрийцев, Порта вынуждена была пойти на мирные переговоры с Петербургом. На переговорах выяснилось, что турки ни за что не хотят отказываться от контроля над Крымом, в то время как русские дипломаты настаивали на предоставлении ему независимости. Для того чтобы преодолеть несговорчивость Порты, русским войскам был отдан приказ возобновить боевые действия. Александр Васильевич Суворов не оставил туркам никаких шансов в битве при Козлудже. После этого Стамбулу ничего не оставалось, как принять условия Екатерины II.

10 июля 1774 г. в болгарском селении Кучук-Кайнарджи был заключён мирный договор между Россией и Турцией.

К России была присоединена территория от Буга до Азова с частью прикубанских и приазовских земель.

В состав России вошла также Кабарда.

Россия получила право иметь на Чёрном море собственный флот, её торговые корабли могли теперь беспрепятственно проходить через Босфор и Дарданеллы.

Султанское правительство обязывалось выплатить русским немалую контрибуцию. Важнейшим итогом войны стало освобождение Крыма от турецкого вассалитета.

В Стамбуле долго не могли примириться с потерей Крыма. Уже в 1775 г. османы нарушили Кучук-Кайнарджирский договор, попытавшись утвердить крымским ханом своего ставленника Девлет-Гирея. Екатерине пришлось послать войска в Крым, чтобы поддержать своего сторонника Шагин-Гирея.

Для России крайне важным было обеспечить безопасность своих южных границ, которым на протяжении длительного времени угрожали разорительные набеги крымцев. В одном только XVII в. в крымском рабстве сгинули сотни тысяч русских пленников. К тому же необходимо было наконец-то начать хозяйственное освоение Северного Причерноморья, обширные и плодородные земли которого были в течение нескольких веков лишены постоянного населения и никак не обустроивались. Миссия превращения этой территории в Новороссию выпала на долю Григория Александровича Потёмкина, самого энергичного из всех фаворитов Екатерины II.

В момент государственного переворота 29 июня 1762 г., когда Екатерина при помощи

дворян-гвардейцев отобрала власть у Петра III, Григорий Потёмкин нёс службу в конной гвардии. Участвуя в перевороте на стороне Екатерины, он привлёк к себе её внимание, был сделан камер-юнкером и стал занимать должности в петербургских ведомствах и комиссиях.

В 1769 г. Потёмкин покинул столицу и отправился добровольцем на войну с турками, где отличился отвагой и доблестью, участвуя в битвах под Хотинском, при Фокшанах, Ларге и Кагуле. Во главе крупного отряда, разбив турок у Ольты, он вновь привлёк к себе внимание императрицы.

В 1774 г. Потёмкин получил звание генерал-поручика, а затем – генерал-адъютанта, был назначен членом Государственного совета и, по отзывам иностранных послов, стал самым влиятельным человеком в России. Потёмкин пользовался величайшим доверием императрицы, получая от неё самые ответственные политические задания.

В 1780 г. «Северный аккорд» окончательно развалился. На этом фоне Екатерина II начинает дипломатическое сближение с Австрией, встретившись в Могилёве с императором Иосифом II.

Екатерина объясняла Потёмкину: «Каковы бы цесарцы ни были и какова ни есть от них тягость, но она всегда будет несравненно меньшей, нежели прусская, которая несносна»².

Эта дипломатическая линия принесла свои плоды: во второй войне с Турцией русские имели союзников в лице австрийцев. Смена внешнеполитического курса в 1780 г. привела к кадровым перестановкам: канцлера Панина заменил Безбородко.

Став генерал-губернатором Новороссийского края, Потёмкин развернул строительство городов – Херсона, Николаева, Екатеринослава и др. Он приглашал и принимал колонистов из Центральной России, Малороссии, Сербии, Греции, Германии, при-

ступил к разведению лесов и виноградников, начал строительство корабельных верфей, фабрик, типографий, школ.

Екатерина высоко ценила усилия своего фаворита, называя их «заботами великими». Она писала Потёмкину: «Тебя, мой свет, станет на все большие и малые заботы... будь уверен, что я тебя весьма благодарю за твои многочисленные труды и попечения, я знаю, что они истекают из горячей твоей любви ко мне и усердия к общему делу».

Важнейшим делом фаворита явилось создание Черноморского флота. Императрица всячески помогала ему в этом деле, командировав в его распоряжение бригады охтенских и олонечких плотников-корабелов³.

Потёмкин прекрасно понимал, что благоустроить новые земли невозможно без обеспечения надёжной безопасности южных границ. В специальной записке, посланной императрице, он представил развёрнутый план овладения Крымом. При этом в геополитических расчётах Потёмкин собирался пойти ещё дальше – к возрождению византийской государственности. Он составил «греческий проект», по которому корона нового византийского царя должна была достаться одному из внуков Екатерины II. Роль укреплённой военной базы для осуществления этого проекта предназначалась Новороссии.

Европейская дипломатия, раздосадованная активностью России на балканском направлении, стремилась собрать как можно больше сведений о действиях русских на обретённых ими территориях.

Излишнее любопытство иностранцев Екатерине, конечно, не нравилось, и она рекомендовала новороссийскому генерал-губернатору: «С чужестранными консулами в Херсоне можешь поступить без церемонии, вели им сказать учтиво, что Херсон не торговый

город, но крепость военная, в которой пребывание их более не может иметь места по военным обстоятельствам, чтобы ехали восвоися»⁹.

Турки продолжали вмешиваться в дела Крымского ханства, и потому Екатерина поддержала план фаворита, касающийся присоединения Крыма к России.

8 апреля 1783 г. Екатерина II обнародовала указ о включении Крыма в состав России. После того как Потёмкин ввёл войска в Крым, она писала ему, что петербургская публика «сим происшествием обрадована: цапанье нам никогда не противно, потерять же мы не любим»⁹. В этом же году был заключён Георгиевский трактат с Восточной Грузией, по которому она переходила под покровительство России. Столь решительным шагам Екатерины предшествовали меры, предпринятые ею на европейском дипломатическом фронте.

Западноевропейские политические пасьянсы позволяли Екатерине занять Крым, не оглядываясь на недовольство европейских прави-

тельств, заявляя при этом: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурят, а мы дело делаем»⁹.

В июле 1778 г. между Пруссией и Австрией вспыхнула война за баварское наследство. Екатерина выступила в роли третейского судьи, подводя враждующие стороны к подписанию Тешенского мира и выступив гарантом соблюдения его условий. После этого влияние русской дипломатии на ход дел в немецких землях значительно выросло.

Екатерина теперь рассчитывала на поддержку Вены: «Ежели пруссаки нас задерут, то венский двор должен вступиться»⁹.

Россия воспользовалась и тем, что в это время внимание Британской империи было отвлечено от европейских дел. В 1775–1793 гг. британской короне пришлось воевать против североамериканских колоний, провозгласивших независимость. Россия отказалась помогать англичанам против восставших колонистов, провозгласив тактику «вооружённого нейтралитета». Отношения России с Британией стали натянутыми.

«Они позабыли, с кем дело имеют»

Екатерина понимала, что после присоединения Крыма к России Османская империя, скорее всего, начнёт подготовку к новой войне: «Я чаю, после Байрама откроется, на что турки решатся, а дабы не ошибиться, кладу за верное, что объявят войну»⁹.

Так оно и случилось. Воинственность турок разжигали Франция, Британия и Пруссия. Бурбоны делали это в силу устойчивой враждебности к России. Британские политики,

чрезмерно трепетно относившиеся ко всему, что было связано с морской торговлей, не хотели усиления российского флота. Фридрих II подстрекал султана к войне с русскими для того, чтобы связать им руки и отвлечь их внимание от Польши.

Летом 1787 г., предъявив России две ультимативные ноты и не дожидаясь от неё дипломатического ответа, турки приступили к военным действиям. Они атаковали Кинбурн, но Суворов отбил их наступление. Видя,

что турки не могут добиться успеха, Британия и Пруссия активно способствовали тому, чтобы шведский король Густав III начал войну против России. Екатерина писала Потёмкину о двурушничестве прусского короля: «Шведы и турки дерутся в угодность врага нашего скрытого, нового европейского диктатора»².

Прошло уже 67 лет после Северной войны, выигранной Петром I у шведов, а те никак не хотели смириться с условиями Ништадского мира. Летом 1788 г. они напали на Россию.

Потёмкин писал Екатерине, что в таком труднейшем положении нужно всячески воздерживаться от новых конфликтов, особенно недопустимо «сцепляться с прусским королём — и без того хлопот много, а то трудно будет ладить с другими, и так мы почти против всех»².

Екатерина ответила, что ни Пруссия, ни остальная Европа не дождутся от неё уступок и проявления слабости: «Если бы королевскому прусскому величеству сие угодно было бы, то соизволил бы шведского не допустить до войны. Сколько бы я не старалась сблизиться с сим всемогущим диктатором, но лишь я молвила бы что-нибудь, мне тут же предписались бы самые лёгонькие кондиции, как, например, отдача Финляндии и Лифляндии Швеции, Белоруссии? Польше, по Самару-реку — туркам; стиль прусский груб, да и глуп.

...Нам лучше всего не иметь никаких союзов, нежели метаться то туда, то сюда, как камыш во время бури; сверх того, военное время не есть период для сведения связей. Я к мщению не склонна, но что чести моей империи и интересам ея противно, то ей и вредно — они позабыли себя и с кем дело имеют, в том и надежду, дураки, кладут, что мы уступчивы будем!»².

Шведский король Густав III рассчитывал на лёгкие победы, и основания для этого у него были, ведь главные силы русской армии находи-

лись на турецком фронте. Отправляясь на войну, король пообещал придворным дамам устроить для них завтрак в Петергофе. Однако первое же морское сражение показало всю иллюзорность королевских ожиданий: 6 июля 1788 г. русский Балтийский флот под командованием адмирала Самуила Карловича Грейга заставил шведские корабли отступить.

Екатерина не могла простить шведскому королю его вероломство. По её словам, среди русского народа «король шведский и шведы столь ненавидимы, сколь бессовестное его коварство достойно; усердие и охота народная против сего нового неприятеля велика; не могут дожидаться драки». Она была уверена, что «диспозиция духа» сложилась в пользу русских и что у Густава III нет никаких шансов на победу над Россией: «Я надеюсь, что шведские дурачества хвалы не найдут нигде. ...Король шведской мечется повсюду яко угорелая кошка и, конечно, истощает все свои возможности... скоро можно будет фуфлыге-богатырю подстричь крылья, чтобы впредь летал пониже»⁹.

Однако шведская агрессия существенно осложнила положение России на геополитической сцене. Отражение шведов потребовало от Петербурга больших расходов и, что не менее существенно, не позволило сосредоточить все наличные силы против турок. Балтийский флот не был переведён в Средиземное море, где его ждали балканские народы, стремившиеся освободиться от османского ига и готовившиеся к восстанию против него.

Поражение лета 1788 г. не остановило Густава III: он пытался перехва-

тить военную инициативу до лета 1790 г., когда русская эскадра разбила шведскую флотилию в сражении близ Выборгской бухты. Война не только не принесла шведскому королю ожидаемых им побед, но и вызвала недовольство среди его подданных. После выборгского разгрома шведской флотилии он подписал мир. Екатерина была довольна прекращением войны, совсем не нужной России.

«В северном замирении сберегли людей и деньги; шведы же почувствуют надолго. ...Велел Бог одну лапу высвободить из вязкого места. ...королю прусскому, чаю, сей мир не весьма приятен будет; теперь молю Бога, чтобы помог сделать то же с турками. ...Чего дураки ждать могут: лучше мира от нас не достанут, как мы им даём, а послушают короля прусского – век мира не достанут, понеже его жадности конца не будет»².

При всех сложностях, которые испытала Россия во время войны на Балтике, англичанам и пруссакам, толкнувшим Густава III на военную авантюру, не удалось загнать русских в тупик. Россия оказалась вполне способна успешно воевать на два фронта. Более того, открытие северного фронта не помешало русским солдатам и матросам бить турок на юге. Немалая заслуга в этом принадлежала Потёмкину, получившему к тому времени титул фельдмаршала и очистившего армию от прусских косичек, пудры, тяжёлых ботфортов и другой ненужной амуниции. Особое внимание Потёмкин уделял разведке, получая оперативную информацию с турецкой стороны от многочисленных платных и добровольных агентов.

Во второй русско-турецкой войне преумножил свою славу Александр Васильевич Суворов.

Самым поразительным эпизодом второй русско-турецкой войны стал штурм Измаила – мощной крепости с высокими стенами, крупным гарнизоном численностью в 35 тыс. чел. при 265 орудиях. Турки считали Измаил неприступным. Для подготовки к взятию этой крепости Суворов приказал построить её макет, на котором солдаты отрабатывали все необходимые приёмы и действия.

11 декабря 1790 г. Измаил был взят. Его овладение было одним из самых выдающихся подвигов русских солдат и офицеров. Оно стало возможным благодаря сочетанию полководческого гения Александра Суворова с героизмом и великолепной боевой выучкой русских воинов.

Взятие Измаила стало победным аккордом действий русской армии.

Исключительный талант проявил флотоводец Фёдор Фёдорович Ушаков. Под его водительством русские моряки одержали целую серию замечательных побед. После одной из них Екатерина писала Потёмкину: «Я совершенно вхожу в ту радость, которую ты должен чувствовать, понеже Черноморский флот строился под твоим попечением, а теперь видишь плоды оногo заведения. ...Я всегда отменным оком взирала на флотские дела. ...Черноморский же флот есть наше заведение собственное, следовательно, сердцу близко... о морских подвигах России в моё царствование прямо слышно стало»².

Вторая русско-турецкая война завершилась блестящей военной победой России. Но военная победа не всегда означает победу дипломатическую.

Понимая это, Екатерина просила Потёмкина, возглавлявшего русскую делегацию: «Постарайся, мой друг, сделать полезный мир с турками... следует ожидать податливости от сего неприятеля, всюду побеждённого»².

Она советовала ему для ускорения переговоров использовать все возможные меры, в том числе и создание благоприятного психологического фона за счёт привлечения на сторону России населения Османской империи: «Как тебе не выигрывать у турецкого народа

доверие: во-первых, ты умнее турецких начальников, во-вторых, поступаешь с турками великодушно и человеколюбиво, чего они ни глазами не видали, ни ушами не слышали от своих».

Со своей стороны Екатерина заверяла Потёмкина о своей готовности сделать всё, чтобы привлечь на сторону России те народы, которые до войны находились под турецким влиянием: «С кавказскими жителями обходиться милостиво мне затруднения не будет»².

В подобной тональности она писала и о крымских татарах: «Что татары подгоняют свой скот под наши крепости, то я их к тому с удовольствием ещё до войны поощряла всегда предписанием ласкового обхождения»³.

Предписывая своим сотрудникам «ласковое обращение» к мусульманам, Екатерина тем более не могла обходить вниманием и христианские народы Османской империи, рассматривая их как естественных союзников России: «По заграничным известиям, везде христиане своих единоверных ожидают, как израильтяне Мессию»⁴.

Потёмкин активно привлекал на военную службу греков и сербов, сообщая об этом Екатерине: «Полки легкоконные Ольвиопольский и Воронежский состоят из иностранцев. ...Греки на море крейсируют весьма храбро и охотно. Я произвёл мичманами тех, кои сражались близ флота неприятельского»⁵. Он просил императрицу наградить боевыми крестами тех иностранцев, которые отличились в боях против османов.

Русско-турецкие переговоры проходили в Яссах. Европейские дипломаты пытались параллельно этим переговорам созвать конференцию в Бухаресте с тем, чтобы повлиять на условия мирного договора между Россией и Турцией.

Екатерина указывала князю: «Предписываю тебе непременно отнюдь не посылать никого на их глупый конгресс в Букарест, а по-

старайся заключить свой, особенной для нас мир с турками».

Особый подход требовался к султану Селиму: «По его молодости сам не умеет кончить свои дела, для того избрал себе пруссаков, англичан и голландцев, дабы они интригами ещё более завязали его дела. Я не в равном с ним положении, – писала Екатерина Потёмкину, – и с седой головой не отдамся им в опеку. ...пора бородачам взяться за ум и высвободиться из зловерного им опекунства: пруссаки прельщают их тем, что будто нас принудят возвратить туркам Тавриду, которой им однако не видать, как ушей своих»⁶.

Екатерина II и помыслить не хотела о том, чтобы оставить Крым и Причерноморье, она была уверена, что русские закрепились здесь на долгие времена.

О том, как она заботилась о будущих поколениях, свидетельствует один маленький штрих из её письма Потёмкину: «Прикажи для будущих веков около черноморских наших гаваней горстями раскидать дубовых желудей. Если бы до нас живущие сие делали, то мы нашли бы лучшие удобства»⁷.

Для России итоги второй войны с турками оказались скромнее её военных достижений: оставив за собой Крым и территорию между Днестром и Бугом, она вернула османам Бессарабию, Молдавию и Валахию. Эти уступки были заранее обговорены между Екатериной и Потёмкиным, они диктовались необходимостью избежать внешнеполитической изоляции.

Опасность такой изоляции становилась реальной после измены Австрии, враждебных приготовлений Пруссии и усилий Англии по созданию антирусской коалиции. И всё-таки главное было достигнуто: Турция признала присоединение Крыма к России. Теперь ничто не препят-

ствовало России держать на Чёрном море свой флот и быть великой морской державой.

Победы России в войнах против Швеции и Османской империи обеспечило то, что она была не атакующей, а обороняющейся стороной. А

боеспособность русской армии оказалась намного выше, чем у её соперников, что во многом объясняется наличием в ней целого созвездия талантливых военачальников, воспитывавших русских солдат в духе высокого патриотизма.

«Откроется путь к начинанию важного дела»

Придя к оптимальному решению на южном фланге внешнеполитического фронта, российская дипломатия могла теперь обратить свои взоры к польскому вопросу. Екатерина II поначалу рассчитывала на союзнические отношения с Польшей.

«Касательно польских дел: стараться буду, чтобы соглашение о союзе не замедлилось; выгоды полякам обещаны будут. Если сим привяжем поляков и они нам будут верны, то сие будет первый пример постоянства в их истории. Если кто из них захочет войти в мою службу, то не отрекусь его принять. Впрочем, принимать поляков в армию и делать их шефами подлежит рассмотрению личному, ибо ветренность, недисциплинированность и дух мятежа в них царствует»⁹.

Обостряло польскую проблему провокационное поведение прусского короля Фридриха II, разыгрывавшего сложную дипломатическую комбинацию. Он настраивал против России поляков и одновременно хотел вынудить Россию вмешаться в польские дела. Удачный исход этой комбинации заставил бы русских, во-первых, отвлечь военные ресурсы с южного фронта, а во-вторых, дать Фридриху «легитимные» основания для введения своих войск на территорию Польши.

В июле 1789 г. Екатерина жаловалась Потёмкину: «Король прусской выдумывает новые лжи и клеветы, чтобы поджигать поляков».

В этой непростой ситуации русской дипломатии приходилось делать ставку на хладнокровие и выдержку: «Кажется, всё возможное делается, чтобы короля удержать, в гневе умягчить». В то же время Екатерина не собиралась безропотно подстраиваться под поведение пруссаков: «Не упущу случая, где только можно будет, выводить на белый свет коварство прусского двора. ...Мы пруссаков ласкаем, но каково на сердце терпеть их грубостью и ругательством наполненные слова и поступки, один Бог весть»².

Специфика ситуации заключалась в том, что русское население Польши желало вхождения в состав единого Русского государства, но прийти ему на помощь Петербург мог только тогда, когда у него будут развязаны руки на Чёрном море, и не раньше. Потёмкин говорил Екатерине о необходимости воспользоваться ослаблением Речи Посполитой для воссоединения древнерусских земель и ликвидации Брестской унии, тяжело переживаемой белорусами.

«Касательно Белоруссии и прекращения унии, — отвечала Екатерина князю, — твои примечания основательны и оные производить в действие нужно. Касаемо Польши, сие нужно сообразить с другими делами и настоящим нашим положением... После мира (с турками. — Авт.) и белорусцов прибрать можно. ...Для надёжного производства в действие твоего плана (относительно Польши. — Авт.) необходим мир с турками и шведом. По восстановлении покоя откроется путь к начинанию

важного дела, которое, кажется, всего удобнее предпринять при возвращении войск наших через Польшу».

«Важным делом» императрица называла освобождение от польской власти белорусских и украинских земель.

В ноябре 1790 г. она сообщила Потёмкину: «О польских делах тебе скажу, что деньги на оныя я приказала ассигновать до пятидесяти тысяч червонных».

Она раскрывала перед фаворитом свои подходы к решению польской проблемы: «Ничего бы не стоило обещать полякам гарантию на их владения, но они сами торжественным актом отвергли всякое ручательство, не ведая, в какую беду их ведёт союз с королём прусским, то тем самым предоставили России свободу действий»².

Тем не менее Екатерина стремилась не допустить преждевременного вступления русских войск на территорию Речи Посполитой: «По польским делам поступать надлежит с крайней осторожностью, дабы не от нас был первый выстрел. При всех действиях наших в Польше, хотя и не открытых, надлежит нам паче всего не дать орудия врагам нашим, чтобы не могли нас предъявить свету яко начинателей новой войны и наступателей, дабы Англия в пособие королю прусскому не вступала, к Балтике кораблей не присылала, да и другие державы от нас не отвратились, и наш союзник не взял повод уклониться от соучастия»².

Екатерина опасалась действий Фридриха II, сгоравшего от нетерпения отобрать у Польши Торунь и Гданьск, обещая ей взамен земли, входившие в состав России.

«Пруссаки паки заговаривают поляков, чтоб уступили ему Данциг и Торн, сей раз за наш счёт лаская их, что им отдаст Белоруссию и Киев. Он всесветный распорядитель чужого».

Ещё раньше она назвала прусского короля «новым европейским диктатором, который вздумал отнимать и даровать провинции, как

ему угодно: Лифляндию с Финляндией посулил шведам, а Галицию — полякам»².

От своих агентов в Пруссии императрица знала о подготовке Фридрихом II вторжения на территорию России, потому и просила Потёмкина поскорее заключить мир с турками.

В январе 1790 г. Екатерина писала своему фавориту: «Дай Боже тебе присоединить к победам имя миротворца? в сём нам теперь главнейшая нужда, ибо не осталось почти никакого сомнения, чтобы король прусской не имел в намерении, обще с поляками, весною напасть на наши владения. ...Надлежит врагам показать, что у нас есть зубы, готовые на оборону отечества, а то они вздумали, что с поляками до Москвы дойдут».

Как только спало напряжение на шведском и турецком театрах боевых действий, Екатерина предприняла меры для укрепления западной российской границы. Это возымело воздействие на Пруссию: «Его величество прусской король уже изволил изъянниться, что нас не атакует, чему нетрудно и поверить»².

В мае 1791 г. после принятия польским сеймом конституции в Польше началось брожение. Конституция несколько усиливала королевскую власть, но при этом сохраняла за шляхтой феодальные привилегии, крестьянство оставалось в крепостной зависимости, католичество, как и раньше, объявлялось государственной религией. Было упразднено деление Речи Посполитой на Королевство Польское и Великое княжество Литовское, провозглашалась единая Польша. Некоторые магнаты и шляхтичи воспротивились усилению королевской власти, организовали оппозиционную конференцию и обратились к Екатерине II за военной помощью. Летом 1791 г. после

окончания войны с турками русские войска были переброшены в Польшу и вскоре заняли Варшаву.

В марте 1793 г. произошёл второй раздел Польши.

К России были присоединены Белоруссия с Минском и Правобережная Украина. Пруссия захватила Гданьск, Торунь и Великую Польшу. На оставшейся незанятой части Польши с населением в 4 млн чел. началось восстание, которое возглавил генерал Тадеуш Костюшко. Шансов на победу над русскими и пруссаками у Костюшко было немного, потому что он был носителем шляхетской психологии, что заметно сужало социальную базу восстания. Русским войскам под началом Суворова удалось разбить отряды восставших поляков.

В начале 1795 г. состоялся третий раздел Польши, и самостоятельное Польское государство прекратило своё существование. Коренные польские земли были разделены между Австрией и Пруссией, что было трагедией для польского народа, более чем на сотню лет лишившегося своей государственности. Россия не претендовала на исконные польские территории. Присоединение к России Западной Белоруссии и Вольни означало решение важнейшей исторической задачи по собиранию в составе единого государства всех восточнославянских земель, кроме Галиции. Присоединение украинцев и белорусов к мощной Российской империи являлось для них несомненным благом, выразившимся в возможности влиться в русло стабильного и безопасного развития, сохранить и приумножить свои культурно-исторические традиции.

Примечания

¹ Век золотой Екатерины // URL: http://www.isoichi.ru/blog/sabirov_post1467.html

² Императрица Екатерина и князь Потёмкин. Подлинная их переписка. Отгиск журнала «Русская старина». СПб., 1876. Т. XVII. С. 31, 209-214, 404-407, 413-414, 421-425, 636-642.

³ Манифест «О вступлении на престол Императрицы Екатерины II» // URL: <http://www.clubvi.ru/news/2012/05/11/iosiflane>

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории // URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch76.htm>

⁵ «Царей и царств земных отрада...» // URL: <http://nepetasong.info/214.html>

⁶ Цит. по: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С. 46.

⁷ Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1874. № 13. С. 334-335.

⁸ Людовик XV // URL: http://www.bionames.ru/bio/biographies/Lyudovik_XV_

⁹ Императрица Екатерина и князь Потёмкин. Подлинная их переписка. Отгиск журнала «Русская старина». СПб., 1876. Т. XVI. С. 45-48, 446-450, 453, 458-461, 469.